

ТЕРМИН

П.А. Флоренский

І. Всем предыдущим утверждена мысль о двойственной природе языка. Язык антиномичен. Ему присущи два взаимоисключающие уклона, два противоположные стремления. Однако, эти две живущие в нем души -- не просто две, а пара, пребывающая в сопряжении, сизигия;⁺ они, своим противоречием, язык осуществляют; вне их -- нет и языка. Мы убедились в этом, проследив попытки диссоциировать полярно-сопряженную антиномию языка и, диссоциировав, представить в чистоте либо тезис, либо антитезис: ни тот, ни другой, поскольку они в самом деле освобождаются взаимно, не дают языка. И тот и другой, порознь, получив развод, обеспложиваются и перестают рождать мысль. Диссоциируя, язык гибнет, если только не происходит, тайком, хотя бы частичного воссоединения разложенных стихий его. Творческое, индивидуальное, своеобразное в языке, личный отклик всем существом, вот сейчас, мой, на э т о, определенное явление мира, -- язык, как творимый в самой деятельности речи, и только как таковой, ведет, чрез чистую эмоциональность, к за-умности, и от за-умности к нечленораздельности, и теряется в стихийных шумах, стуках, свистах, рокотах и вое; непосредственность языка неминуемо превращается в безмысленность и бессмысленность. Напротив, монументальное, общее в языке, как только общественным, только общим, как всецело ради всех существующим, -- язык, как данный мне обществом и мне предоставленный лишь на пользование, но отнюдь не м о й,

⁺ Сизигия /греч. *σισυγία* / -- соединение, сопряжение, сочетание, супружество, а также общее название полнолуний и новолуний, т.е. моментов, когда солнце, земля и луна расположены на одной прямой.

и -- только как таковой, ведет, чрез рассудочность, к условности, а от условности к произволу языкодателя и тут опустошается в ограниченности отъединенного разума. Оба пути, каждый по-своему, уничтожают язык и следовательно, рассмотренными опытами над языком устанавливается неразрывность языковой антиномии: в природе языка есть противоречивость, но противоречивость эта существенна, и ею живет и существует язык. Два устоя языка взаимно подддерживают друг друга, и устранением одной их противодействующих сил опрокидывается и другая. Язык не только и м е е т в себе эти борющиеся стремления, но и возможен лишь их борьбою, осуществляясь как подвижное равновесие начал движения и неподвижности, деятельности и вечности, импрессионизма и монументальности.

II. Но, в таком случае, крепость языка есть -- не монизм его, не стерилизованная чистота того или другого, стихийного или логического его начала, не одностороннее вытягивание в одну сторону, а напротив, напряженность его антиномии, как целого: мощная взаимо-подпора обоих устоев. Не ослаблять один из полюсов антиномии языка требуется, а напротив -- равномерно усиливать обе; -- вот чем язык крепнет. Углубление, сгущение, оплотнение языка достигается чрез повышение его *tygor vitalis*, -- когда самособирается, организуется и выкристаллизовывается его противоречивость. Культура языка двуединым усилием подвигает его по двуединому пути зараз, и только так может продвинуть к новым достижениям, не разрушая при этом самого существа его. Работа над языком имеет задачу свою: железную антиномию его закалить в сталь, т.е. сделать двойственность языка еще бесспорней, еще прочней. Этой сталью должна быть и наука и философия, -- или вовсе не быть. Да, если наука и фило-

софия, будучи языком, и только языком, и взаимно исключая друг друга своими устремлениями, будучи выразительницами противоустраемляющихся сил языка, если они все же суть и не разлагаются, не рассеиваются и не исчезают, то это значит одно: они с у т ь поскольку есть самый язык; наука и философия -- две руки одного организма языка. Своеобразие их уклонов есть лишь окраска их основного ядра, общего в них, это же последнее -- самый язык, но закаленный и уплотненный, -- слово созревшее.

• Это зрелое слово относится к слову житейскому как яблоко садовое -- к маленькому яблочку лесному, -- по меньшей мере так; далее мы увидим, что то и другое слово разделяется расстоянием гораздо большим, характером их функций. Но мы постараемся постепенно подойти к выяснению строения и функции этого культивированного слова, вникая, что собственно требуется от него. Требуется же от него, по сказанному, наибольшая напряженность словесной антиномичности. Искомому слову должно быть крепчайшим упором мысли, как сокровищнице исторической всего человечества, как народному и даже все-народному условию духовной жизни; оно должно выситься пред каждым индивидуальным сознанием безусловною данностью, непоколебимым маяком на пути постижения жизни; оно -- говоря предельно, -- есть некое окончательное слово, которое настолько попало в самую точку, в самую суть познаваемой реальности, настолько в нем выразилась природа человечности, -- что никто и никогда не посмеет и не сумеет посягнуть на это слово, не обкрадывая духовно себя самого. Да, это искомое слово есть какой-то максимум словесности в известную сторону, далее которого искать нечего, -- предельная достигнутость. В этом слове человеческая словесность нашла чистейшую, выработаннейшую

свою линию, которую выразило то, что требовалось выразить, и потому всякая иная линия в том же направлении -- хуже, дряблее, менее точна. Итак, рассматриваемое слово предстоит нашему духу законченным произведением человечества, и таким словом надлежит лишь пользоваться, как окончательно готовым.

Но, с другой стороны, это же самое слово должно предельно выражать и другой полюс речи: оно мыслится нами, как наиболее индивидуальное, наиболее отвечающее личному вопросу каждого, им пользующегося, и притом в каждый данный момент, по каждому особому поводу, при каждом частном намерении. Это -- такое слово, что никто и никогда не отходит от него "тощ и неуслышан", никто не почувствует, что своеобразие его именно внутренней жизни, его именно мысли, чувства и желания, остается неудовлетворенным этим словом, невысказанным, невыразимым, искажаемым. Оно пластично до предела, оно поддается тончайшим веяниям духа, впечатлевая их и запечатлеваясь ими. В нем словно пред-образованы все могущие возникнуть оттенки и направления духовных движений, так что каждое явление духа, самое новое, самое по-видимому неожиданное, самое своеобразно-индивидуальное, даже до капризности, находит себя в таком слове, находит себе уготованное вместилище, готовое жилище своего обитания, -- как бы одежду, сшитую вполне по мерке именно ее, этой индивидуальной устремленности духа. Короче говоря, рассматриваемое слово мыслится, как не имеющее в себе ничего готового, ничего заранее намеченного: пластической массой, ждущей велений духа и податливую на первое оформление, равно как и на первое же снятие прежде приданной формы, а точнее -- как бы газообразную средою духо-явлений, вовсе не имеющую собственной формы и годною в любой момент на все, -- должно служить нами рассматриваемое слово.

III. Тем и другим должно быть это слово зараз: столь же гибким, как и твердым, столь же индивидуальным, как и универсальным, столь же мгновенно-возникающим, как и навеки определенным исторически, столь же моим произволом, как и грозно стоящему надо мною принудительностью. "Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла, вот уже сорок лет", -- говорил Израилю Моисей, напоминая о чудесных годах сорока-летнего странствования /Второз. 8, 4/. Но это чудесное сохранение одежды и обуви еще не объясняет, как было возможно странствование в пустыне, когда за сорок лет дети выросли в зрелых людей, и одежда и обувь, хотя и неветшающие, становились не впору. Поэтому в галахических легендах дается на поставленный вопрос дополнительное разъяснение, а именно, что одежда и обувь Израиля не только не ветшали, но и чудесным образом всегда приспособлялись к выраставшим их собственникам. -- Вот, таким-то, и неизменным и все-приспособительным, должно быть то зрелое слово, на котором развиваются наука и философия и которым живы обе они. Чтобы быть таковым, оно должно быть неизмеримо, так сказать, питательнее обыкновенного слова, неизмеримо сочнее, неизмеримо сгущеннее, и вместе с тем быть устойчивым, твердым, и даже неизмеримо устойчивее и тверже обычного слова. При полной внутренней определенности своей, это искомое нами слово дает простор нашему духу еще и еще возвращаться к слову, не наскучивая им, не исчерпав его, не ощущая направляющего его воздействия как чего-то насильственно-принудительного, стесняющего духовное творчество. Возвращаясь к этому слову, мы каждый раз находим в нем новое себе питание, источник новых сил и новых обогащений. "Творения великих мастеров не для того сделаны, -- говорит В а к к е р о д е р, -- чтобы их видел глаз; но чтобы мы, в оные вникнув усерд-

ною душою, ими жили и дышали. Драгоценная картина не то же, что параграф из учебной книги, который я, извлеки зерно смысла с небольшим трудом, бросаю, как скорлупу ненужную; напротив, наслаждение изящными произведениями художества длится бесконечно; мы думаем все глубже в них проникнуть, -- они же все вновь возбуждают наши чувства, и нет такого дна, где душа их совершенно бы исчерпала. В них горит как будто неугасимый елей жизни"¹. То, что Ваккеродер отмечает в великих произведениях изобразительных искусств, как свойство таких произведений, есть свойство великого слова, и картина или статуя разделяют его в качестве тоже слов нашего духа, -- запечатленных в твердом веществе слов жеста, жестов пальцев и руки, тогда как слово звуковое есть запечатление жеста голосовых органов и притом запечатление в воздухе. Картина и статуя принципиально суть слова. Но к тому ядровому слову преимущественно звуковому, о котором идет у нас речь в этой главе, приведенное место из Ваккеродера приложимо в полной мере. -- В греческом языке есть глагол *αν-ερευνᾶω* или *ερευνᾶω*, того же корня, что и глагол *ερεῶ*; эти глаголы значат: спрашивать, исследовать, отыскивать, осматривать, рассматривать; но производное отсюда прилагательное *αν-ερευνητος* энантиологически значит вовсе не: исследованный или известный, а, напротив: неисследованный, необъяснимый; смысл этой энантиологии понять не трудно: отглагольное прилагательное на - *τος* показывает на возможность в страдательном смысле; *ανερευνητος* значит: подлежащий исследованию, могущий быть исследованным, предстоящий к рассмотрению, а потому, следовательно, -- еще не исследованный; таковой мыслится всегда подлежащим исследованию и всегда же, следовательно, не исчерпанным исследованием, никогда не доисследованным, а потому и необъяснимым². Так должно быть по-

нимаемо то сгущенное слово, о котором размышляем мы, -- его неисчерпываемая полнота, настолько содержательная и синтетичная, что всякое движение мысли по данному, по заданному словом направлению или целому пучку направлений, встречает себе открытый путь и проложенную гладкую дорогу. Об этом слове воистину можно сказать *αβερευνητος*. Так в таинственных жидкостях природы, меда и молоке, синтезированы в полно-содержательное единство разнообразнейшие соки двух царств природы, -- растительного -- в меде и животного -- в молоке; в конечном же счете, та и другая жидкость есть, по выражению одного старинного писателя, "образец всеобщего лекарства"³, ибо заранее дают организму всякий могущий потребоваться ему сок, своею полнотою заранее удовлетворяют всякой нужде, предлагая раньше, чем может встретиться надобность, и предлагая больше, чем что будет спрощено самым своенравным инстинктом. Мед и молоко дают на себе приметить, -- по выражению того же автора, "малые тайны"⁴ природы. В области же творчества духовного, "малые тайны" вселенского собирания и, потому, вселенской полноты имеем в собирательном слове, которым живо духовное творчество в науке и в философии.

IV. Но подобные же выражения были уже высказаны ранее, когда говорилось о диалектике, и именно применительно к бесконечной, неисчерпаемой мыслию полноте реальности: и о реальности было сказано: *αβερευνητος*. Иначе говоря, зрелое слово как-то отвечает реальности, есть само образ реальности. Впрочем, можно было догадаться о таком исходе наших размышлений, коль скоро задачей познания было выставлено: дать наиболее полное и сжатое описание реальности. Описание из неподвижной точки зрения не могло быть таковым, по его бедности. Но описание движущееся, если бы оно могло свиваться в синтетические узлы, именно и представилось бы в этом, свитом, своем состоянии высказываемым такими, пол-

новесными словами. Диалектическое проникновение в жизнь завершается расцветанием в мысли цветов, подводящих итог всем последовательным переходам умозрения, и в этом смысле как будто полагающими предел процессу вживания. Но было бы ошибочным счесть такой предел движущейся мысли за простую остановку мысли, -- за остановку той, которой существенно не свойственно коснеть в покое. Нет, если это и остановка, то такая, что в ней живо движение, так сказать, движущийся покой или покоящееся движение. Если выразиться образно, то можно назвать обычный ход диалектического умозрения -- путем, восхождением на вершину, а достигнутое синтетическое слово -- созерцанием с самой вершины: поступательность тут движения прекращается, но это не значит, что прекращается вообще движение, ибо путник, достигший высшей точки своего пути заменяет продвижение -- вращением; да, пред ним открылись горизонты столь широкие, что есть что созерцать, а малейший поворот вправо или влево даст ему новую полноту возвышенных зрелищ. В шествии путника произошла остановка; но так как задача самого шествия -- не простая перемена места, а обогащение опыта, то эта остановка на вершине, задерживающая путника своими далекими перспективами и разнообразными картинами, есть не только не прерыв его пути, но, и, напротив, усиление пути, сгущение его, если понимать путь функционально.

Воспользовавшись математическим выражением, можно назвать эту вершинную стоянку мысли -- относительным максимумом пути, -- в том смысле, что наличный в ней охват духовного кругозора превосходит все смежные, как предшествовавших, так и последующих точек умозрения. Достигнув этого относительного максимума в своем движении, мысль покоится на созерцательной вершине, и долго может покоиться, пожиная плоды своего восхождения. Но когда она пожелает идти

дальше, продвигаясь еще, ей необходимо оставить вершинную стоянку и обречь себя на сужение своего горизонта, чтобы в своем дальнейшем пути, отчасти спустившись с занятой вершины, начать новое восхождение, на новую и новые вершины. На них ей снова предстоят остановки и соответственные им расширенные созерцания; с этих вершин ей откроются не только новые понимания расстилающихся пред нею далей, но и самый путь ее, как пройденный, так в особенности и предлежащий, будет усмотрен с большею сознательностью. Можно даже сказать, что ясное сознание, а потому и планомерность путей мысли, дается диалектику только на этих стоянках, когда долгие их переходы видятся не шаг за шагом, а -- связными линиями. Но, зачарованная этими перспективами, Наука начинает верить в достигнутую вершину как в окончательность, и в наличности остановки усматривает оправдание неподвижности вообще, вследствие чего дальнейшим усовершенствованием своей стоянки, кстати сказать не ею самой достигнутой, полагает закрепление и поворота наблюдателя, так чтобы отныне все, попавшие на эту вершину, всегда смотрели на дали чрез определенное, ради установки глаза проделанное, отверстие, но никак не оборачивались из стороны в сторону.

V. Но если чрезмерное медление на достигнутых высотах, если вера в эти конечные высоты как в Высоту окончательную -- мертвит и опустошает Науку, то, тем не менее, эти высоты необходимы не только Науке, расширяя ее кругозор, но и Философии -- ритмически расчленяя ее диалектическое движение паузами и придавая ее текучески известную устойчивость, вследствие чего делается возможною большая сознательность и более легкая удерживаемость памятию. Диалектике вообще не свойственна нерасчлененность, ибо всякий вопрос предполагает остановку для получения ответа, и ритмический ход вопросов-ответов приглашает вспомнить скорее о

пешеходе, чем о велосипедисте. Но эти мелкие ритмопаузы требуют дальнейших группировок, более определенно выраженных стоянок мысли. Пора, однако, после сделанных предварительных разъяснений, назвать эти стоянки мысли и более определенным именем, чтобы легче узнать в них знакомое уже нам из наук о познании, поскольку там эти стоянки мысли уже обсуждались. Но и то следует оговорить: мы не знаем одного имени этим стоянкам, и потому именно доселе уклонялись от попытки назвать их не описательно. Трудность же назвать их -- двойкая: синтетические слова, в зависимости от степени и ступени своей синтетичности, бывают разных порядков и, если воспользоваться выражением, применимым Н.В. Бугаевым⁵ в учении о бесконечностях, -- разных пород. В нашем случае, эти порядки и породы различаются не количественно, во всяком случае не только количественно, но и качественно, -- мало того, могут иметь между собою существенные рубежи, переходя которые неизбежно пересматривать и перестраивать и весь строй внутренней жизни, круг сложившихся понятий и мысленных связей между ними, а главное -- привычные и укоренившиеся оценки. Будучи на пути движения мысли формально аналогичными, как несущие аналогичные функции, -- того, что Г. Кантор в своей теории трансфинитов назвал "принципом ограничения", в образовании числовых символов, в противоположность другому, противополоственному принципу той же области -- "принципу продолжения"⁶, рассматриваемые нами синтетические слова весьма многообразны, и желание во что бы то ни стало дать им название преждевременно-необходимо поведет к сужению их области, а потому -- к искаженному пониманию их духовной функции. Между тем, не трудно догадываться, что эта функция столь же обширна и столь же глубока, как и самый дух, ибо словом -- все возможно, и слову все доступно. Из боязни испортить все дело и ослабить незаметно привнесенными предпосылками

позитивизма намеченное понимание слова, воздержимся пока от подразделений слов высших порядков и высших пород, и отметим вторую причину трудности дать тут единое наименование.

VI. Когда по-русски мы говорим: "с л о в о", то имеем в виду и целую речь, и отдельное предложение, и каждую отдельную часть речи, грамматически или словарно называемую "словом" в узком смысле; так, говорится о "даре с л о в а", о "с л о в е с н о с т и" и т.д. Греческое слово *λογος* опять-таки имеет значение и речи, и отдельной фразы и отдельного слова, в узком смысле. Иначе и быть, впрочем, не могло, -- не должно было бы, ибо всякое отдельное слово не есть что-либо существующее самостоятельно, но -- лишь узел тех процессов, которые составляют речь, и в своем значении определяется лишь в живой речи, а не в уединении словаря; как на крайний пример этой изменчивости смысла отдельного слова можно сослаться на ироническое или саркастическое пользование словом, когда значение его изменяется в прямую противоположность более обычному значению. Воистину, слово есть инвариант, но инвариантность эта невыразима словесно же /единственным способом выражения ее служит самое слово, оно одно, и никакое другое слово не возьмет его смысла глубже и полно-охватнее, нежели выражает оно само себя/; в порядке же словесном -- слово предельно свободно, имея силу означать весьма разное, включительно до своей прямой противоположности. Следовательно, слово есть точка приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь, получая отпечатления ото всей речи, но в разной, так сказать, степени плотности. А с другой стороны, самое предложение определяется словами, из которых оно строится, и вне слов не существует. Части речи определяются частями предложения, и наоборот, части предложения устанавливаются частями речи: тут новая антиномия языка, --

антиномия части речи и части предложения. Но не углубляясь сейчас в нее, мы должны, ради ясности дальнейшего, отметить, что слово, понимаемое узко, должно рассматривать как свившееся в комок предложение и даже целую речь, а предложение -- как распустившееся свободно слово. В современной логистике понятна и использована эта взаимообратимость двух моментов языка: одни и те же буквы в формулах символической логики не означают ни только понятий, ни только суждений, или, как принято их теперь называть, по примеру англичан, -- предложений; точнее сказать, буквы в этих формулах означают и понятия и предложения з а р а з, так что алгебра логики "допускает... две различных, почти параллельных интерпретации, в зависимости от того, выражают ли буквы понятия, или предложения"⁷. При этом "логическое значение и дедуктивная связь формул несколько не зависит от интерпретаций"⁸; "С целью не предугадывать никакой интерпретации, мы скажем, что буквы выражают Т Е Р М И Н Ы: эти термины могут быть, смотря по обстоятельствам, понятиями или предложениями"⁹. Понятия и суждения противопоставляются друг другу только соотносительно, сами же по себе не могут рассматриваться обособленно. Еще с большей силой то же надо сказать и о словах и предложениях, тем более, что даже формально-грамматически, любое слово может быть самостоятельным предложением, и наоборот, любое предложение, как бы оно длинно ни было, можно обратить в одно сложное слово, поставив в кавычки, а в языках, где имеется член, -- греческом, французском, немецком и др., -- приставив ко всему предложению член. Следовательно, теперь, понятно, почему живое слово-употребление не сузило значения слова "с л о в о" и понимает его приблизительно так, как в логистике, по сказанному выше, понимается слово "т е р м и н". Но это последнее мы сохраним для более определенных случаев, а без особой нужды станем говорить, как и говорили до сих пор, -- "с л о в о".

VII. Возвращаемся к обсуждению слова синтетического. Из сказанного явствует, что таковое может быть: как синтетическим предложением, так и синтетическим отдельным словом, в узком смысле. И вот трудность: выразить одним наименованием сразу и то и другое. Единое синтетическое слово распадается, если судить по наименованиям, на две параллельных линии, на две параллельных серии, из коих каждая подымается, как выяснено ранее, своим хребтом с вы-сходящими на нем пиками. Эти два хребта есть на деле о д и н хребет, и эти пики суть попарно одни и те же пики, но в языке нашем они неминуемо дwoятся и кажутся двумя.

Технические выражения и обобщающие формулы, словесные или символические, например, алгебраические, -- такова первая пара соответственно связанных и взаимно-превращаемых ступеней на пути мысли. Всякое техническое наименование, в какой угодно области знания, вводится определением, а это последнее предполагает за собою некоторое экзистенциальное суждение¹⁰ -- суждение о существовании того комплекса признаков, который связывается во-едино выставляемым определением; это экзистенциальное суждение или эта экзистенциальная интуиция свидетельствует о возможности этого комплекса, -- возможности внутренней, отнюдь не формально-логической, но связанной со всем строением данной области познаваемого, возможности приемлемой всеми закономерностями этой области, а кроме того утверждает устойчивость, т.е. пребываемость обсуждаемого комплекса, его внутреннюю организованность, внутреннюю связность и единство. Если определение лишено экзистенциальности, т а к понимаемой, то оно есть лишь пустое притязание, видимость слова, но не слово, ибо мыслится только в качестве звука, , сопровождаемого случайными ассоциациями, но не как

определенное содержание мысли, и потому беспредметное, -- и ускользает от нее, расплываясь на отдельные элементы слова, лишь только мысль подходит к такому определению, или к равносильному ему определяемому им техническому выражению вплотную. Иными словами, всякое техническое выражение, действительно нужное мысли, а не представляющее собою тормозящего речь варваризма, непременно предполагает и новое усмотрение мыслию внутренней связности того, к чему это выражение относится, -- значит служит синтезу многих слов, которыми могла бы быть описана вновь найденная связность. Подлинное техническое выражение, имеющее залог жизненности и надеющееся пережить "завистливую даль", если не "веков", то хотя бы годов, творится духом вместе с подъемом мысли на вершину, пусть невысокую, но во всяком случае господствующую над окружающей местностью в процессе подъема. Оно непременно есть некоторая о с т а н о в к а мысли, в смысле выше-разъясненном, и его следует оценивать именно как таковую. Если же создающий его стоит лишь на склоне горы, остановившись не ритмически, -- от усталости, но вовсе не потому, что он достиг относительного максимума, высоты, хотя бы и небольшой, то техническое выражение, по самому существу дела, не есть устойчивое создание слова и распадается, лишь только мысль тронется далее, и, кроме того, насквозь субъективно, не соответствуя никакому естественному расчленению реальности, никакому естественному ритму диалектического хода. Таким образом, техническое выражение действительно свивает в себе некоторое сжатое описание реальности, той или другой, -- ибо и математические сущности -- тоже своеобразная реальность, -- а обобщающая формула, -- тоже, конечно, описание, -- она прорастивает, развивает, распускает означенное техническое выражение.

VIII. Уже низшая область таких выражений, Н О М Е Н -
К Л А Т У Р А, под каковою, по В. Узеллю¹¹, надо в классификаторных науках, разуметь "совокупность н а з в а н и я

в и д о в", дает нам прочеканенные и пройденные резцом слова повседневного языка; непосвященному в классификаторную систему той или иной области бытия такая совокупность названий представляется легким сочинительством несносного педантизма, тогда как, на самом деле, каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания, на познание тесно-сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка. Такое название есть сжатая в одно слово, простое или сложное, ф о р м у л а изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине. Систематика химии, минералогии, ботаники, зоологии, и, в меньшей степени других наук, есть сгущенный опыт много-сот-летней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы, и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное¹². Недаром Библия проявлением разума первого человека, как бы доказательством его божественного образа и потому его выделенности из ряда всех тварей земных, выставляет наименование Адамом всех прочих тварей: "Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел /их/ к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым" /Быт. 2, 19--20/. Л о т ц е указывает, что голое восприятие предмета не удовлетворяет нас, и нам требуется ввести предмет в систему нашей мысли, а для этого необходимо наименовать его. "Имя свидетельствует нам, что внимание многих других покоилось уже на встреченном нами предмете, оно ручается нам за то, что общий разум, по крайней мере, пытался уже и этому предмету назначить определенное место в единстве более обширного целого. Если имя

и не дает ничего нового, никаких частных предметов, то оно удовлетворяет человеческому стремлению постигать объективное значение вещей, оно представляет незнакомое нам чем-то не безызвестным общему мышлению человечества, но давно уже поставленным на свое место"¹³. Поэтому, назвать -- это вовсе не значит условиться по поводу данного восприятия издавать некоторый произвольно избранный звук, но, "примыкая", -- по изречению Вильгельма Гумбольдта¹⁴, -- своею мыслию к мысли общечеловеческой", дать слово, в котором общечеловеческая мысль, обратно, усмотрела бы законную, т.е. внутренне-обязательную для себя, связь внешнего выражения и внутреннего содержания, или, иначе говоря, признало бы в новом имени -- с и м в о л. Символичность слова, -- в чем бы она ни заключалась, -- требует вживания в именуемое, медитации над ним и, говоря предельно, -- мистического постижения его. Иначе созданное слово -- как плева будет отваяно временем и унесено в сторону от житницы человеческой культуры. "Произвольно данное нами имя не есть имя, -- говорит тот же Лотце, -- недостаточно назвать вещь, как попало: она действительно должна так называться, как мы ее зовем; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мир общепризнанного и познанного, и, как прочное определение вещи, должно ненарушимо противостоять личному произволу"¹⁵. При большой проникновенности духовной жизни связь имени с предметом именуемым ощущается еще более тесною; выразительный пример этого непосредственного ощущения находим в биографии Якова Беме. "Однажды он после продолжительного мистического бодрствования, чтобы рассеять себя, вышел из дому и направился в поле, где почувствовал, что чем дальше он идет, ... тем понятнее ему делаются все видимые вещи, так что по одним очертаниям и краскам оных он начал узнавать их внутреннее

бытие. Словом, чтобы точнее определить его душевное состояние, выражусь стихами поэта:

"И внял он неба содроганье,
И горных ангелов полет,
И гад земных подводный ход,
И дольной лозы прозябанье!"

Точно в такой же почти сверхъестественной власти у Бема были и языки иностранные, из которых он не знал ни единого; несмотря на то, однако, как утверждал его друг К о л ь б е р, Бем понимал многое, когда при нем говорили на каком-нибудь ЧУЖОМ языке, и понимал именно потому, что ему хорошо известен был язык природы. Желая, например, открыть сущность какой-нибудь вещи, он часто спрашивал, как она называется на языке еврейском, как ближайшем к языку природы, и если сего названия не знали, вопрошал о греческом имени, а если и того не могли ему сказать, то спрашивал уже о латинском слове, и когда ему нарочно сказывали не настоящее имя вещи, то Бем по наружным признакам угадывал, что имя вещи не таково"¹⁶.

Понимание слова есть деятельность внутреннего соприкосновения с предметом слова, и потому вполне понятно, что разобщенность духовная от бытия ведет к непониманию слова. Углубленность понимания вырастает из теснейшей духовной сплоченности, тогда как грех разрушает и то понимание, которое было ранее. Вот почему Сошествие Святого Духа на Апостолов в Пятидесятницу, т.е. одухотворение их и самое внутреннее объединение, как клеточек вновь явившегося на земле Тела Христова, непосредственным следствием имело дар языков. "И егда скончавшася дние Пятидесятницы, беша вси Апостоли единомысленно вкупе. И бысть внезапно с небесе шум, яко носиму духанию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху сядуще: И явишася им разделени языци яко огненни, седе же

на едином коемждо их. И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух дающе им провещавати. Бяху же во Иерусалиме живущии Иудеи, мужие благоговейнии от всего языка, иже под небесем. Бывшу же гласу сему, снидеша народ и смятеша: яко слышаху един кийждо их своим языком глаголющих их. Дивляхуся же вси и чудяхуся, глаголюще друг ко другу: не се ли вси сии суть глаголющии Галилеане; И како мы слышим кийждо свой язык наш, в нем же родихомся, Парфяне и Мидяне и Еламита, и живущии в Месопотамии, во Иудеи же и Каппадокии, в Понте и во Асии, во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киринии, и приходящии Римляне, Иудеи же и пришелцы, Критяне и Аравляне, слышим глаголющих их нашими языки величия Божия" /Деян. 2, I--II/. Это событие воссоединения человечества в взаимном понимании чрез нисхождение Духа Святого есть аналогическое, но обратно направленное, событию раздробления человечества в смешении языка его -- чрез попытку взойти до неба без Духа и утвердить свое единство помимо Бога внешним памятником, -- символ человекобожества в области самочинной мистики и самочинной общественности. "Приидите, -- сказал в себе Бог, -- и сошедше смесим тамо язык их, да не услышит кийждо гласа ближнего своего" /Быт. II, 7/. Ш е л л и н г ¹⁷, подметивший взаимно-обратность Вавилонского смешения и Пятидесятнического воссоединения, подчеркивая излагает свое сопоставление и явно гордится им. Но он остается неосведомленным в том, что названные события неоднократно сближаются в святоотеческой письменности, и даже в богослужебных песнопениях. Пятидесятницы определенно высказана эта мысль: "Языцы иногда размесишася дерзости ради столпотворения: языцы же ныне умудришася, славы ради боговедения. Тамо осуди нечестивыя погрешением: zde просветил есть Христос рыбаки Духом. Тогда упразднися безгласие к мучению: ныне обновляется согласие ко спасению душ наших" ¹⁸.

Или еще: "Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва, и согласно славим Всесвятаго Духа"¹⁹, и др. В чем именно состояло это соединение языков, и что именно должно разуметь под языками, в данном месте Деяний, это составляет трудный, до сих пор не вполне решенный вопрос экзегетики²⁰. По-видимому, однако, наиболее вероятным должно признать или то решение, по которому одухотворенность слова апостолов делала его лингвистически прозрачным и различным пришельцам в Иерусалим, снимая с речи ту глубокую кору, которую она покрылась после Вавилонского смещения, или же то, -- согласно которому в преисполненности Духом апостолы нашли себе источники творчества перво-языка, утраченного человечеством в Вавилоне, и, заговорив на этом языке, были понятны иностранцами²¹. Но, так или иначе, а суть события -- в метафизической проникновенности слова у человека духо-носного. Не вдаваясь далее в эти чрезвычайные, высшие состояния, вернемся к одсуждаемому нами синтетическому слову, на следующей после углубленных и м е н его ступени. Эта последующая ступень есть термин, когда оно берется в свернутом виде, и -- з а к о н, формула закона, когда синтетическое слово взято развернутым.

IX. "Я называю т е р м и н о л о г и е й систему т е р м и н о в, употребляемых при о п и с а н и и предметов естественной истории", говорит Уэвелль²³. Терминология -- это орудие, посредством которого делается точное наименование²⁴. "...Кто только возьмется за изучение какого-нибудь отдела науки, -- продолжает тот же историк науки, -- тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твердых правил не может быть надежного или прогрессивного знания. Неопределенный и детский смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твердою точностью, необходимою при научном исследовании, и возводить их от

одной ступени обобщения к другой. Для этой цели может служить только крепкий механизм научной фразеологии. Необходимость в ней чувствовалась в каждой науке с самых ранних периодов ее прогресса"²⁵. А в другой своей работе, подводя итоги своим наблюдениям над жизнью Науки, У э в е л л ь так свидетельствует о существенности в Науке терминов: "Почти каждый успех науки ознаменован новообразованием или усвоением технического выражения. Обиходный язык имеет, в большинстве случаев, известную степень вялости или двусмысленности, подобно тому, как ходячее знание /common knowledge/ обычно включает в себе нечто расплывчатое и неопределенное. Это знание имеет дело обычно не с одним только разумом, но обращается более или менее к какой-либо заинтересованности или возбуждает фантазию; на службе такому знанию и обиходный язык всегда содержит, следовательно, окраску заинтересованности или воображения. Однако, по мере того как наше познание становится вполне точным и чисто разумным, мы требуем также точного и разумного языка, который равномерно исключал бы неясность и фантастику, несовершенство и излишество, -- такого языка, каждое слово коего должно сообщать твердую и строго ограниченную мысль. Таковой язык, -- язык науки, возникает чрез пользование техническими выражениями... Прогресс в использовании техническим научным языком представляет нашему наблюдению два различных, следующих друг за другом периода; в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; напротив, во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением, со вниманием к связности, с видами на установление системы. Попутное и систематическое образование технических выражений хотя и не могут быть разделены определенной датой /ибо несистематически во все времена отдельные слова бывали образуемы в отдельных науках/, однако мы не можем один

период назвать античным, а другой -- новым"²⁶. Далее обильными примерами из истории наук Уэвелль подтверждает свой тезис.

Но термин, как выяснено было ранее, по общему свойству языка, должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением²⁷, его заменяющим и в него свитым. Это последнее есть определение термина, но не "вербальное", каковое никакого термина создать неспособно, ибо не производит синтеза, а определение реальное, которое Уэвелль называет "объяснением понятий -- explication of concepts"²⁸. Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится. -- Многие из тех споров, которые имели важное значение для процесса образования современной науки, по замечанию Уэвелля²⁹, "принимали вид борьбы из-за определений. Так, исследование законов падения тел привело к вопросу о том, которое из определений постоянной силы правильно: то ли согласно которому она порождает скорость, пропорциональную пространству, или же то, по которому эта скорость пропорциональна времени. Спор о vis viva /живой силе/ свелся к вопросу о правильном определении меры силы. Основным вопросом в классификации минералов является вопрос об определении минерального вида /species/. Физиологи старались осветить свой предмет определением организации или того или другого сходного с этим термина". Подобного же рода вопросы долго были открыты /да и до сих пор еще не вполне решены/ относительно определений "удельной теплоты", "скрытой теплоты", "химического средства" /.../ и "растворения" /.../" "Для нас очень важно отметить, -- продолжает Уэвелль, -- что эти споры никогда не представляли собою вопросов об отдельных и произвольных определениях, как это, по-видимому, часто думали. Во всех этих случаях безмолвно признавалось некоторое предложение, которое должно было быть выражено при помощи определения и которое прида-

вало этому последнему его значение. Поэтому спор об определении приобретал реальное значение и становился вопросом об истинности и ложности... Таким образом, установление правильного определения того или другого термина может быть полезной ступенью при выяснении наших понятий, -- однако, только в том случае, если мы рассматриваем какое-либо предложение, в котором имеет место этот термин. Тогда действительно является вопрос о том, как надо понимать и определять это понятие для того, чтобы это предложение было истинным. -- Раскрытие наших понятий при помощи определения оказывалось полезным для науки только тогда, когда оно было связано с немедленным применением этих определений... Определение представляет, быть может, лучший способ разъяснения понятия; но понятие становится стоящим какого бы то ни было вообще определения только вследствие его пригодности для выражения той или другой истины. Когда определение предлагается нам в качестве полезной ступени знания, мы всегда имеем право спросить, для установления какого принципа оно будет служить. Поэтому, "определить значит отчасти открыть. Для того, чтобы определить так, чтобы наше определение имело научную цену, требуется не мало той проныцательности, при помощи которой открывается истина... Чтобы вполне выяснилось, каково должно быть наше определение, нам следует хорошо знать, какую именно истину надо нам установить. Определение, как и научное открытие предполагает уже сделанный некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последней ступенью в прогрессе знания, -- и по крайней мере, что касается такого именно места определения, то как история знания, так и опирающаяся на нее философия науки подтверждают их теоретические соображения". Таковы некоторые из мыслей Уэвелля относительно взаимопревращаемости термина и закона, и существенной значимости термина в истории науки. К этим мыс-

лям вполне примыкает, распространяя и восполняя, хотя при этом и обесцвечивая их и лишая их остроты, Джон Стюарт Милль³⁰, современник Уэвелля. Но через полвека мы встречаем те же мысли, и притом возникшие по-видимому самостоятельно, на почве исследования методологии знания, у Анри Пуанкаре, одного из наиболее талантливых и широко-мыслящих ученых конца XIX-го и начала XX-го века. Первый шаг в научном творчестве, по Пуанкаре, -- "искание особой красоты, основанное на чувстве гармонии."³¹ Оно наводит ищущего на гипотезу, угадываемую интуитивно, но еще не оправданную. "Всякое обобщение есть уже гипотеза",³² -- т.е. в смысле неоправданности логической. Пригодность гипотезы должна быть обследована, а для этого гипотеза раскрывается в своих последствиях в теорию соответствующего круга явлений, и в этом виде подлежит дискурсивному над нею творчеству³³. Одной из важнейших функций дискурсивного творчества Пуанкаре признает созидание научного языка. "Трудно поверить, как много может одно хорошо выбранное слово "экономизировать мысль", выражаясь словами Маха"³⁴. Например, физики "изобрели слово энергия, и это слово оказалось необычайно плодотворным, ибо оно творило закон, элиминируя исключения, ибо оно давало одно и то же имя различным по содержанию и сходным по форме вещам"³⁵. "Математика и есть искусство называть одним и тем же именем различные вещи... Надо только, чтобы эти вещи, различные по содержанию, сближались по форме..."³⁶. И, подводя итоги: "...Вся творческая деятельность ученого, по отношению к факту, исчерпывается речью, которою он его выражает"³⁷.

Х. Нет надобности далее настаивать на существенном участии термина в истории мысли: полагаю, что и сказанным достаточно установлена зиждущая и скрепляющая сила в развитии мысли -- термино-творчества. Но пора вдуматься бо-

лее внимательно в самую природу термина. И, прежде всего, что есть термин этимологически и семасиологически? -- Terminus, или termeninis или termo, inis происходят от корня ter -- означающего: "перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону"³⁸. Итак, terminus -- граница. Первоначально эта граница мыслилась, как вещественно наметенная, и потому выше-означенное гнездо слов означало пограничный столб, пограничный камень, пограничный знак вообще. В греческом языке слову термин, как в философии, так и в более широком пользовании, соответствует слово ορος, а также слово οριζος, от φορφορ, что собственно значит: борозда, а затем граница³⁹. Как и во всех древних терминах философии, в самом термине "термин" без труда осязается первичный сакраментальный смысл, и это священное перво-значение -- не случайность в плоскости философской, но, напротив, как это постоянно наблюдаем в истории философской терминологии, философская терминологическая чеканка обще-употребительного слова проявляет в слове его первичный слой, заволоченный более поздними односторонними его произрастаниями, законно, но, обедняюще, расчленяющими перво-коренную слитную полноту и метафизичность слова.

Что же такое термин, т.е. граница, в порядке историческом?⁴⁰ Как известно, первоначальное право на собственность было понятием и установлением чисто-религиозным, но отнюдь не внешне-юридическим. Оно существенно вытекало из страха Божия, именно страха задеть культ, к которому не принадлежит чужак, -- не принадлежит же и не может принадлежать, ибо он не происходит от почитаемых в данном роде усопших, и потому, если бы нарушил священную неприкосновенность чего бы то ни было, входящего в организацию их культа, хотя бы даже просто коснулся чего-либо, то за таковое нечестие, за осквернение табу, неминуемо

нуемо потерпел бы страшные кары от самих оскорбленных покойников. Имуществом владели не живые, но усопшие, т.е. сделавшиеся богами. В других случаях, владельцами имущества были духовные существа высших порядков, -- герои, демоны или боги, в собственном смысле слова; но мистическое обоснование неприкосновенности имущества, вместе с повышением иерархического чина владельца, конечно, только усиливалось. Имущество недвижимое, а в особенности земельное, было предметом особой бдительности духовного мира, ибо в земле ведь лежали кости почивших и потому приобревших сверхъестественное могущество владельцев ее, и могилы их были престолами, а окружающая их земля -- храмом; дом же сынов и внуков этих владельцев, управляющих священным имуществом, был тоже храмом, возникшим как покров и ограждение святейшего средоточия всего само-замкнутого культа -- священного очага, которому жречествовала семья потомков тех усопших. Таким образом, первоначальное право на земельную собственность обеспечивалось не законами, а религией. Каждое поместье было под надзором домашних божеств, и они сами охраняли его. "Lares agri custodes -- лары стражи поля", говорит о них Т и б у л л⁴¹, а по свидетельству Ц и ц е р о н а, "religio Larum positia in fundi villaeque conspectu -- почитание ларов происходит в виду поместья и мызы"⁴².

Чем же разграничивалось владение от владенья? -- Каждое поле должно было быть окруженным, как и дом, оградаю, которая его отчетливо отделяла от владений других семейств. Эта ограда не была каменной стеною, а по силе своего действия скорее напоминала те неглубокие рвы и невысокие валы, обсаженные деревьями, которые блюдут священную границу наших сельских и провинциально-городских кладбищ. Сила таких ограждений -- не в механическом препятствии, ими представляемом, а -- в символическом ознаменовании священной не-

прикосновенности "городка": нарушить этот символ разграничения области отошедших от области пребывающих в суете -- значит вступить в тяжбу с теми, которые по ту сторону священного насаждения вдоль вала и рва. Но у древних такою оградю бывало даже и нечто еще более простое: полоска земли в несколько футов шириною, эта полоска должна была оставаться необработанной, и никогда не касался ее плуг. Разделяющее поля пространство было священо: римский закон, -- как свидетельствует Ц и ц е р о н⁴³, объявлял его не подлежащим проскрипциям; оно принадлежало религии. В определенные дни месяца и года отец семейства обходил свое поле, следуя этой священной линии; он гнал пред собою жертвенных животных, распевал гимны и совершал жертвоприношения⁴⁴. Этим обрядом он рассчитывал вызвать благожелательство своих богов к своему полю и к своему дому; он в особенности ознаменовывал свое право собственности, которое более точно следовало бы назвать правом собственности почитаемых предков и прочих домашних божеств, верша вокруг своего поля обряды своего домашнего культа. Путь, которым следовали жертвенные животные и вдоль которого пелись молитвы, был нерушимым пределом владения. -- На этом пути, в некоторых промежутках друг от друга, хозяин размещал какие-нибудь необделанные камни или какие-нибудь деревянные чурбаны, которые носили название *termen*. Что это были за границы и какие представления связывались с ними, можно судить по тому обряду, с каким полагались они в землю. "Вот что делали наши предки, -- говорит С и к у л Ф л а к к, -- они начинали с того, что выкапывали небольшую яму, воздвигали на краю нее Терм и увенчивали его гирляндами из трав и цветов. Затем совершали жертвоприношение; крови закланной жертвы они давали течь в яму; туда же бросали горящие уголья /зажженные, вероятно, на священном огне очага/, хлебные зерна, пироги, плоды и возливали немного вина и меду. Когда все это сторало в яме, то на теплую еще золу

они наваливали камень или обрубок дерева."⁴⁵ Ясно видно, что целью всех этих обрядов было сделать из Терма нечто вроде священного представителя домашнего культа. Чтобы сохранять за ним его священный характер, над ним ежегодно возобновлялось священнодействие, с возливанием либации⁺ и чтением молитвы. Водруженный на земле Терм был, следовательно, как бы домашнею религиею, всаженной в почву, чтобы показать, что эта земля стала навсегда собственностью семьи. Позже, содействием поэзии, Терм стал рассматриваться как бог отдельный и личный. -- Употребление Термов, или священных межевых знаков, было по-видимому всеобщим у Индо-Европейских народов. В глубокой древности оно существовало у индусов, и священные обряды установки границ имели у них много сходства с теми обрядами, которые Сикул Флакк описал в Италии⁴⁶. До Рима мы находим Терм у сабинян;⁴⁷ мы находим его также у этрусков. Эллыны имели тоже свои священные границы, которые назывались у них *ορος θεου οριος*⁴⁸; так, Плутарх и Дионисий переводит слово *terminus* чрез *ορος*; впрочем, и слово *τερμιν* существовало в греческом языке⁴⁹. Наши угли, закапываемые в яму, при межевании, это конечно есть пережиток углей жертвенных; утилитарное же значение их непонято пока -- понято лишь вторичное.

Раз Терм поставлен уставно, то не было той силы в мире, которая могла бы его переместить. Он должен был на веки вечные пребывать на том же самом месте. Этот принцип религии выразился в Риме таким сказанием: сам Юпитер, когда он пожелал занять место на capitoлийском холме, под храм себе, не мог удалить оттуда бога Терма. Это старое предание показывает, насколько священной была собственность;

⁺ Либации /лат. *libatio*/ -- возливания.

недвижимый Терм не означает ничего иного, как нерушимое право собственности; это есть характерный для римской религии функциональный бог, бог-функция, именно функция охранения границы, воплощенная вещественно. Терм охранял границу и божествовал над нею. Сосед не смел приблизиться к ней вплотную: "Ибо тогда, -- как говорит О в и д и й⁵⁰, -- бог, который чувствовал себя задетым лемехом или мотыкою, кричал: "Остановись, это мое поле, а там вот -- твоё". Чтобы завладеть полем какой-либо семьи, надо было опрокинуть или переместить межевой столб: между тем, этот столб и был богом-охранителем. Такое святотатство было ужасно, и кара за него -- сурова. Древний римский закон гласил: "Если кто задел Терм лемехом сохи, то сам он и его быки да будут посвящены подземным богам -- *ut terminum exarasset, et ipsum boves sacros esse*"⁵¹, а это значит, что виновный и его быки должны быть во-искупление закланы. Этрускский закон, говоря от имени религии, выражался так: "Кто коснулся межевого столба или переместил его, будет осужден богами; дом его разрушится, род его угаснет; земля его не произведет больше плодов; град, ржа, засуха погубят его жатвы; члены виновного покроются язвами и иссохнут"⁵² -- Афинский закон по тому же предмету не дошел до нас: сохранилось лишь три слова: "Не переходи границы". Но П л а т о н, по-видимому, восполняет мысль законодателя, когда говорит: "Нашим новым законом должен быть следующий: "Никто не касается межи, отделяющей его поле от поля соседа, ибо ей должно оставаться нерушимой; никто не дерзает сдвинуть маленький камень, который отделяет дружбу от вражды, камень, который с клятвой обязались оставить на месте."⁵³

Из всех этих верований, обычаев и законов следует, что это именно домашняя религия научила человека сделать

землю собственностью и обеспечила ему право над нею. Термин возникает первоначально, как страж порога, страж священного участка, страж всего, что в пределах охраняемой границы содержится. Иначе говоря, Термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смещения, тем самым, стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству. Термин не пускает жизни течь по пути легчайшему, и потому препятствует рассеиваться ее деятельности в бесплодном умножении количества, при низком уровне качества, но, напротив, подымет ее уровень, увеличивает ее потенциал и ведет жизнь к совершеннейшим достижениям, в формах сгущенных и проработанных. И сам он, будучи пределом данной области культуры, принадлежит к этой культуре, выражусь математически: есть ее предельное значение. Он, давая толчок к возникновению известной культуры, вместе с тем и цель, к которой культура стремится -- не даром в самом имени своем содержащая и указание на некую связь с культом и примету будущего времени /форма на -igus/. Конечная причина совпадает с причиной действующею, конец примыкает к началу, А -- то же, что Ω ; термин есть душа культурного участка земли со всем его содержимым и, как душа, не только облекает свое тело, будучи пределом его периферии, но и живет в самой сокровенной глубине его: это знаменуется пребыванием одних и тех же домашних божеств и на периферии поля и в самом средоточии его, над священнейшим домашним очагом. Так душа, чтобы строить себе тело, отграничивает будущую его область от окружающей среды, и только в этом яйце тклет ткань жизни. Так первая система, средоточие организма, вместе с тем облекает его, ибо наша кожа есть не что иное, как преобразование нервной же системы.

XI. В философию слова *terminus* или равносильное ему *орос* и *орлорос* попадают именно из религии, и притом с сохранением первоначального смысла. "Определение /по-гречески/ называется *орлорос* от метафоры с земельными границами, -- удостоверяет св. И о а н н Д а м а с к и н. -- Как граница отделяет собственность каждого человека от собственности другого, так и определение отделяет природу каждой вещи от природы другой"⁵⁴. Дамаскин устанавливает также некоторую разницу смысла слова *орос* и производного от него *орлорос*: "Название "определение" /*орлорос*/ отличается от названия "термин" /*орос*/, тем, что первое уже, а второе шире. В самом деле "термин" /*орос*/ обозначает и земельную границу, и решение, /напр., когда говорим *ωρισεν βασιλευς* /царь решил//. Точно также он означает то, на что разлагается посылка, /как мы это с Божьей помощью, узнаем потом/. Обозначает оно и определение; определение же означает только краткую речь, выражающую природу подлежащей вещи"⁵⁵. Иначе говоря, слово *орос* действительно значит: и земельная граница, и определение, и термин, и решение или постановление; но, кроме того, изменением суффикса произведено и более специальное слово -- *орлорос* для обозначения определения. Но собственно слово, *орос*, имея все эти смыслы, имеет их не порознь, исключаящими друг друга, но вместе, с переливом блеска то туда, то сюда, смотря по общему смыслу речи. Наша же привычка понимать слово раздробительно ведет при толковании произведений древности ко многим лишним спорам. Вспомним многочисленные пререкания по поводу так называемых "определений" Евклида. Однако, стоило С и м о н у, в своем переводе Евклидовских "Начал" передать слово *орос* через более общее "о т г р а н и ч е н и я"⁵⁶ и повод к спорам был устранен. Дело объясняется просто: по мнению Л а м б е р т а⁵⁷, "то, что Евклид предпосыла-

ет в таком изобилии определения, есть нечто вроде номенклатуры. Он, собственно говоря, поступает так, как поступает, напр., часовщик или другой ремесленник, начиная знакомить учеников с названием орудий своего мастерства". С таким пониманием *орос* -- определений, как терминологических установок, согласен и Цейтлен⁵⁸. То же говорит и выше-упомянутый Симон⁵⁹. Амальди⁶⁰, со ссылкой на выше-названных, со своей стороны заявляет: "...Мы слишком много занимаемся учеными толкованиями /определений Евклида. - П.Ф./, из которых ни одно прямо не исключает все остальные, потому что каждое из них, по-видимому, отражает мысль Евклида с особой стороны. Лишь исходя из предвзятой идеи, нуждающейся еще в дальнейших пояснениях, мы склонны отождествлять роль *орос* в геометрической системе Евклида с задачей, которая в нашу теперешнюю, преимущественно критическую эпоху возлагается на определения в математике вообще, в частности в геометрии. Позволительно, по-видимому, думать, что Евклид своими *орос* имел в виду просто дать геометрическую номенклатуру, что-бы затем в постулатах /αληθινά / и "общих идеях" /κοινὰ ἐννοιαί, общепринятые идеи, аксиомы/ формулировать свойства основных образований, долженствующие быть непосредственно примененными в последующих рассуждениях".

На языке более позднем, в значении слова *terminus* основным продолжает быть момент определенности, хотя значение дифференцируется. По объяснению Дю-Канжа⁶¹, *terminus* значит: 1. область, описанная своими границами и пределами, т.е. самое содержание границы. 2. *definitio*, *орос*, постановление, в смысле соборных постановлений; тут *terminus* и *орос* в языках латинском и греческом в точности передают друг друга. 3. назначенное время, установленный день. 4. праздничный день.

Собственно-философское пользование словом *термин* вве-

дено преимущественно А р и с т о т е л е м. "Термином" /орос, terminus суждения у него называются подлежащее и сказуемое суждения -- логический субъект и логический предикат⁶². Понятно, почему это так: подлежащее и сказуемое суждения, ведь определяют собою р а з м а х мысли, тот, который допускается и предполагается актом суждения. Из беспредельной возможности в неопределенных блужданиях, мысль, актом суждения, само-ограничивается, сжимается, заключает себя в амплитуду подлежащего -- сказуемого. Ибо подлежащее есть то, на чем говорящий желает сосредоточить внимание, а сказуемое -- то, что именно должно открыть внимание в предмете своем. -- Между тем, о чем мы говорим, и тем, что мы говорим, содержится весь простор мысли, т.е. оттенков и ограничений дальнейших, выражаемых обстоятельствами. А т.к., далее, логическое сказуемое и логическое подлежащее могут быть сложными, то каждая из составных частей их сама может получить наименование термина. Так пользуются словом термин философы. По Геккелю, называвшему себя Гоклением⁶³, terminus есть "oratio rei essentiam significans -- речение, обозначающее сущность вещи". По Гутберлету, "речение /sprachlicher Ausdruck/ содержит понятия посредством слова. Поскольку это последнее в человеческом пользовании взаимно отграничивает понятия и таким образом намечает границу, как пограничный знак, оно называется в философском словоупотреблении термином."⁶⁴ -- По Гефлеру, научные термины суть "слова, значение коих -- понятия".⁶⁵

XII. Итак, в приложении к философской и научной речи понятно словоупотребление: термин, terminus, орос. Это какие-то границы, какие-то межи мысли. В неопределенной возможности, мысли предлежащей, -- двигаться в с я ч е с к и, в безбрежности моря мысли, в текучести потока ее, ею

же ставятся себе твердые грани, неподвижные межевые камни, и притом ставятся как нечто клятвенно признанное нерушимым, как е ю же установленные, т.е. символически, посредством некоторого сверх-логического акта, волею сверхличною, хотя и проявляющеюся чрез личность, воздвигнутые в духе, конкретные безусловности: и тогда возникает с о з н а н и е. Нет ничего легче как нарушить эти границы и сместить межевые камни. Физически -- это легчайше. Но для посвященного, они табу для нашей мысли, ибо е ю же в этом значении и установлены, и мысль знает в них хранителя ее естественного достояния и страшится нарушать их, как залогов и условия собственного сознания. Чем определеннее, чем тверже -- мыслию же поставленная препона мысли, тем ярче и тем синтетичнее сознание. По воззрениям многих современных психологов, сознание вообще есть следствие задержки непрерывного потока психической жизни: мы идем машинально, и в сознании нашем нет дороги; мы споткнулись, -- и возникает сознание. Мы живем нравственно: у нас нет в сознании мысли о нравственности; наша нравственность качнулась -- и возникает этика; в горячем увлечении этическими проблемами не скрывается ли обычно личной неэтичности? По меткому изречению Анри Б е р г с о н а, "представление закупорено действием"⁶⁶ "Несовпадение действий с представлением и есть то, что мы называем сознанием",⁶⁷ еще говорит он. И еще: "Сознание живого существа определяется, как арифметическая разность между деятельностью виртуальной и деятельностью реальной. Оно служит мерою отделения представления от действия".⁶⁸ "Дефицит в инстинкте... вот что становится сознанием".⁶⁹ С этой точки зрения, мысль, в смысле сознания, есть зеркальный образ задержанного внутреннего действия, мнимый фокус жизнедеятельности. Таково понимание современного психоанализа; в сущности, сюда же относится эмпириокритицизм. Воззрения Ф и х т е -старшего приводятся к той же

мысли, но не в психологической, а в гносеологической и отчасти метафизической транскрипции: для самосознания абсолютного Я необходимо ему наткнуться на сопротивление не-Я, в силу чего возникает соотносительное этому последнему относительное Я, или точнее -- я, с малой буквы. Различение названных и других мыслителей не в том состоит, признавать ли, или не признавать сознание-сублимацией задержки безграничного устремления волевых глубин, а -- в том, происходит ли эта задержка от препятствий, внешних духу, и, следовательно, случайных в отношении его внутренней жизни, или, напротив, задержка полагается свободно самим же духом, значит закономерно. Но, на известной глубине, когда открывается общая основа жизни внутренней и реальности внешней, и эта разница тех и других воззрений перестает быть чувствительной.

Итак, т е р м и н, в разъясненном смысле слова, есть граница, которою мышление самоопределяется, а потому и самосознается. Способ установки этого рубежа определяет и способ самопознания мысли, т.е. сознание того акта, той деятельности, которою ставится эта граница. Останавливая свою безбрежную кипучесть, мысль тем самым осознает себя, как останавливающую, т.е. обретает в своем потоке нечто твердое, нечто неподвижное; но неподвижное это -- не внешне ей, а есть ее же собственная деятельность, подвижная неподвижность ее же собственного акта, живое усилие и силовое напряжение. В могуче напряженном и как бы из стали отлитом мускуле совершаются мельчайшие вибрации, которыми и обнаруживается жизненность мускульного усилия. Когда мы стоим, то непрерывно падаем, то в одну сторону, то в другую. И напряженный мускул, и стоящий человек, действуют, усиливаются, живут. Так и т е р м и н. Недвижно стоящий пред мыслию, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности. И чем неподвижнее термин, тем отчетливее

и тверже стоит он пред сознанием, тем большая требуется жизнь мысли. История термина есть ряд творческих усилий мысли, наслоящей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу.

XIII. Но каков же образ термино-образования? и как именно примыкает формирование термина к известному из лингвистики составу и росту обычного слова? В слове различаются, как известно, несколько концентров. Концентры слова суть ступени и стадии образования его, прежде всего -- индивидуально-личного, а затем, быть может, и обще-народного. Лингвисты стремятся, в духе эволюционизма, приравнять филогенезис слова его онтогенезису, но с этим уравниванием надо быть, по меньшей мере, осторожным. Осторожность тут тем более необходима, что у слова, кроме его роста в индивидуальном разуме, есть рост еще более индивидуальный, -- возникновение слова всякий раз как произносимого, т.е. такой онтогенезис, в отношении которого развитие слова в индивидуальном разуме само должно рассматриваться как филогенезис. Но как бы то ни было, а нас занимает не исторический и даже не индивидуально-биографический процесс словообразования, а самая актуальность слова, я в л е н и е слова в данный момент, самый расцвет словесной энергии духа, т.е. слово как наиболее живое и наиболее действенное, как свидетельство силы и жизни духа. Выше-названные концентры слова суть, прежде всего, для нас, последовательные проявления или откровения духа. К перечню их можно подходить различно, смотря по общему складу мысли и по требуемому в данном именно случае разрезу слова, в том или ином направлении. Нас может занимать познавательная сторона слова, как дающего самую реальность; может -- логическая форма, определяющая правомерность вхождения слова в лоно вселенской мысли, хотя оно

исходит из уст индивидуальных; может представиться предметом нашего внимания и психическое содержание тех процессов, которыми первичное движение воли последовательно проявляет себя и воплощает в средах, последовательно все более внешних; можно исследовать физиологические и физические явления, представляющие самое тело этих воплощений или нисхождений внутреннего слова в материю; и, наконец, подлежат анализу сверх-психологические и сверх-физиологические движения нашего существа, промежуточные между познанием реальности и психическими средствами явления его, с одной стороны, и, затем, промежуточные между психикой и физической или, точнее, соматикой, -- движения, объединяемые нами, за недостаточную их исследованность в одну группу явлений оккультных, хотя сокровенны они, главным образом, от европейского рационализма, а не по существу, и хотя объединение всех вместе столь же мало убедительно, как и каталожное наименование *Varia* -- всем книгам, не вошедшим в состав прочих отделов.

Итак, различно может члениться слово на концентры, и заходя мы не имеем оснований настаивать на тождестве всех названных способов членения, -- хочу сказать, граница дробления слова, проведенная по одному направлению мысли не непременно совпадает с таковою же, намечающеюся в другом разрезе. Эта оговорка необходима, чтобы членения по разным направлениям не показались взаимно-уничтожающими вследствие недостаточной их продуманности. Так, например, индусская лингвистика, опирающаяся преимущественно на само-наблюдение со стороны оккультно-соматической, на опыт сознательного распределения *п р а н ы*, посылаемой произвольно в те или другие органы, устанавливает четыре концентра или четыре слоя в нашем слове. Слово бывает:

- 1, в мозгу -- первичное, нара, соответственно абсолютному космическому плану, или атман.
- 2, в легких -- промежуточное, пассианти, соответственно каузальному космическому плану, или карана.
- 3, в горле -- видимое, мадиама, соответственно астральному космическому плану, или суксма.⁺

⁺ На этом рукопись обрывается.

Примечания

1. /Ваккеродер/, -- Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком. М., 1826. М., 1914, с. 113--114. /Ср.: В.Г. Ваккеродер. Фантазии об искусстве. М., "Искусство", 1977, с. 75--76. -- "История эстетики в памятниках и документах". Немецкое Wackenroder П.А. Флоренский переводит как Ваккеродер, сейчас принято Вакенродер./
2. E. Boissacq, -- Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg--Paris, 1909, 4me livr., p. 278: ερεω.

Бензлер /-Греческо-русский словарь, Киев/, 1881, с. 59: αβερευνωω, αβερευνωτος.
3. А.А. -- Gemma Magica, или магический драгоценный камень... J.A.Θ. М., 1974, с. 32.
Вернадский Г.В. Русское Массонство в царствование Екатерины II. -- Пг, 1917, с. 256: "Франкенберг А. /1593--1652/. 1784, -- А.Θ. Gemma Magica или Магический Драгоценный Камень; то есть краткое изъяснение Книги Натуры, по седми величайшим листам ея, в которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость, вписанную перстом Божиим. Кн. Премудр. гл. I, ст. 4. Премудрость не внидет в зло кровную душу I.A.Θ. Сия премудрость не падает на неблагородные умы, но на добродетельные и благородные. В печать отдано и споспешествовано любителем покойного автора, с пожалованием и дозволением Аполлона и Музы; Л.8 °." -- Издание Новиковского кружка./
4. id., с. 32, но в книге речь идет не о молоке, а о "коровьем масле", и о меде.
5. Н.В. Бугаев /П.А. Флоренский. О типах возрастания. -- "Богословский вестник", 1906, т. 2, № 7, с. 539: "Во

всех этих случаях мы имеем дело с различными п о р я д-
к а м и бесконечностей. Но оказывается, что так -- да-
леко не всегда, и существуют функции безусловно не срав-
нимые таким образом. Другими словами, отношение функци-
ональных значений стремится к бесконечности с возраста-
нием x и, какие бы итерации и действия им подобные мы
не производили над функцией меньшего типа возрастания,
функция большего типа окажется для нее недостижимой, име-
ющей бесконечность не только другого порядка, но и другой
п о р о д ы, по терминологии Н.В. Бугаева^{1/}.

6. /См. кн.: Георг Кантор. Труды по теории множеств. -- М.,
"Наука", 1985, с. 66, 92--93, 221, 360/
7. Л. Кутюра, -- Алгебра логики. Перевод с прибавлениями
проф. И. Слешинского. "Mathesis", Одесса, 1909, с. 1--
2, § 2.
8. id., с. 2, § 2.
9. id., с. 2--3, § 2.
10. /Сноска не сохранилась. Приведем определение экзистенци-
альных суждений по Гефлеру, указанная книга которого ци-
тируется далее П.А. Флоренским.
Проф. Алоиз Гефлер. Основные учения логики. Пер. с чет-
вертого нем. изд. И. Давыдова и С. Салитан. С пред.
И.И. Лапшина. -- СПб., Издание "Научно-философской библио-
теки", 1910, с. 84: "Такие суждения, как "Бог есть", "Нет
призраков", не имеют другого смысла и другой цели, кроме
утверждения или отрицания "существования" обсуждаемого"./
11. Вильям Уэффелль, -- История индуктивных наук от древнейше-
го и до настоящего времени. Перев. ч 3-го англ. изд.

^{1/} Слышал от покойного на его лекциях-беседах. В печати этот
термин появляется, кажется, впервые/".

М.А. Антоновича. СПб., 1869, т. 3, с. 402, книга XVI, гл. IV, § 2.

12. /Сноска не сохранилась. В подготовительных материалах к работе "Термин" сохранился листок с записью: "Термин. Джевонс, Основы Науки, с. 628. О значении классификации". Стенли Джевонс. Основы Науки. Трактат о логике и научном методе. Пер. со второго англ. изд. М. Антоновича. -- СПб., Издание Л.Ф. Пантелеева. 1881, с. 628: "Только применение к делу классифицирующих и обобщающих способностей дает человеческому уму возможность справиться до некоторой степени с бесконечным числом естественных явлений... Мы возвращаем природу к простым условиям, из которых развилось ее бесконечное разнообразие. Как сказал Боуэн, "первая необходимость, которую налагает на нас самое строение нашего ума, состоит в том, чтобы расположить бесконечное богатство природы на группы и классы вещей по их сходствам и родству и тем расширить кругозор охватываемый нашими умственными способностями, даже с пожертвованием мелочами, которые могут быть узнаны только при подробном изучении предметов. Поэтому первые усилия при разработке знания должны быть направлены на дело классификации. Может быть впоследствии окажется, что классификация есть не только начало, но и высшая точка и конец человеческого знания"^{1/}.

13. Лотце, -- Микрокосм

/Вероятно, П.А. Флоренский дал свой перевод.

Ср.: Герман Лотце. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии. Ч.П. -- М., Издание К. Солдатенкова, 1866, с. 293--294: "Если мы не в состоянии действительно определить место, занимаемое ка-

^{1/} А. Treatise on Logic, or Laws of Pure Thought, T. Bowen, Cambridge, U.S. 1866, p. 315"/.

ким-нибудь произведением природы в ее совокупности, то нас, конечно, успокаивает уже и одно его имя; оно свидетельствует по крайней мере, что и внимание многих других людей останавливалось на том самом предмете, который занимает теперь нас; оно удостоверяет, что общее разумение заботилось отвести и этому предмету определенное его место в связи более обширного целого"./

14. /Вероятно, П.А. Флоренский дал свой перевод.

Ср.: Гумбольдт В. фон. О различии органов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Пер. П. Билярского. СПб., 1859, с. 11= Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с. 51: "Язык -- не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением"./

15. Лотце, -- Микрокосм

/Вероятно, П.А. Флоренский дал свой перевод.

Ср.: Герман Лотце. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии. Ч.П. М., Издание К. Солдатенкова, 1866, с. 294: "...всякое произвольно данное имя -- не имя в собственном значении: мало называть вещь как-нибудь, надо, чтоб она и действительно так называлась; имя должно быть свидетельством, что вещь принята в мир общеизвестного и общепринятого бытия, и таким образом нерушимо противостоять всякому личному произволу, как собственное, постоянное ее определение"./

16. А.Ф. Писемский, -- Масоны, с. 3-я, VIII, с. 538--539.

/Сочинения А.Ф. Писемского. Посмертное полное издание, т.

12. СПб., 1884, изд. тов. М.О. Вольф/.

/То же в кн.: А.Ф. Писемский. Собрание сочинений в девяти томах, т. 8. М., "Правда", 1959, с. 356.

Отрывок из стихотворения А.С. Пушкина "Пророк" дан А.Ф. Писемским с намеренными искажениями. Вот подлинный текст:

"И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье".

/А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 2. М., Изд. АН СССР, 1963, с. 338./

Бек /,-/ Космическое чувство.

/Канадскому психиатру д-ру Беку /Виске/ принадлежит брошюра: Cosmic Consciousness: a study in the evolution of the human Mind, Philadelphia, 1901.

Затем им на ту же тему была написана книга, данных о которой нам найти не удалось. Возможно, что П.А. Флоренский имел ввиду отрывки из вышеуказанной брошюры, приводимые В. Джемсом в его книге: Многообразие религиозного опыта. Пер с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик. Под ред. С.В. Лурье. М., Издание журнала "Русская мысль", 1910, с. 387--389: "Космическое сознание в своих ярких проявлениях, говорит д-р Бэки, не представляет собою простого расширения границ самосознающего я, с которым каждый из нас хорошо знаком; здесь мы имеем дело с новой функцией, столь же отличной от всех душевных функций среднего человека, насколько самосознание нашего "я" отлично от всех функций, находящихся в обладании высших животных...

Характерной чертой космического сознания является прежде всего чувство космоса, т.е. мировой жизни и ее порядка: и в то же время это -- интеллектуальное прозрение, которое одно может привести индивидуума в новую сферу существова-

ния; к этому присоединяется состояние особой моральной экзальтации, непосредственное чувство душевного возвышения, гордости и радости; нужно прибавить сюда еще обостренность нравственного чутья, не менее важную для нашей духовной жизни, чем просветленность разума, и наконец, еще то, что можно бы назвать чувством бессмертия, сознанием вечности жизни, и не в форме убеждения, что такая жизнь будет у меня, а как сознание, что она у меня уже есть...

Я провел вечер в большом городе с двумя друзьями за чтением и спорами по вопросам философии и поэзии. Мы расстались в полночь. Чтобы попасть домой, мне предстояло сделать большой конец в экипаже. Мой ум, еще полный идеями, образами и чувствами, вызванными чтением и беседой, был настроен спокойно. Мной овладело состояние почти полной пассивности, и мысли почти без моего участия проходили через мою голову. Вдруг, без всякого перехода, я почувствовал вокруг себя облако цвета огня. С минуту я думал, что это зарево большого пожара, вспыхнувшего где-нибудь в городе, но скоро понял, что огонь этот был во мне. Неизмеримая радость охватила меня, и к ней присоединилось прозрение, которое трудно передать словами. Между прочим я не только уверовал, я у в и д е л, что вселенная соткана не из мертвой материи, что она живая; и в самом себе я почувствовал присутствие вечной жизни. Это не было убеждение, что я достигну бессмертия, это было чувство, что я уже обладаю им. Я увидел, что все люди также бессмертны, что таков мировой закон и что нет случайностей в мире. Каждая вещь в нем служит благу всех других вещей; основа нашего мира и всех других миров -- любовь; и вообще счастье неизбежно будет осуществлено в грядущих веках. Состояние

это длилось всего несколько секунд, но воспоминание о нем и чувство реальности принесенных им откровений живет во мне вот уже четверть века. В истине этих откровений я не сомневаюсь. С этой точки зрения, с какой я смотрю теперь на мир, я вижу, что не могут они не быть истинными. Это сознание не покидало меня даже в моменты величайшего упадка духа."

Другой перевод последнего отрывка дал И.И. Лапшин по книге: James W., Varieties of Religions Experience, 1902. См. книгу: И.И. Лапшин. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906. Приложение II. О мистическом познании и "все-ленском чувстве". С. 52--53./

17. /Friedrich Wilhelm Joseph von Schellings sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Erster Band. Einleitung in die Philosophie der Mythologie. Stuttgart und Augsburg, 1956. S. 108--109: "Dem Ereignis der Sprachenverwirrung lässt sich in der ganzen Folge der religiösen Geschichte nur Eines an die Seite stellen, die momentan wieder hergestellte Sprach-einheit /ομογλωσσία/ am Pfingstfeste, mit dem das Christen-tum, bestimmt das ganze Menschengeschlecht durch die Erkennt-nis des Einen wahren Gottes wieder zur Einheit zu verknüpfen, seinen grossen Weg beginnt. /Ich hatte darum in den Vorlesungen über die Philosophie der Offenbarung die Erscheinung am Pfingstfest "das umgekehrte Babel" genannt, ein Ausdruck, den ich später bei andern fand. Mir selbst war damals der Wink von Gesenius in dem Artikel: Babylon der Halle'schen Encyclopädie noch unbekannt. Schon Kir-chenvätern indess war diese Entgegenstellung nicht ungewöhnlich, die insofern wohl Anspruch hat, für eine Natür-liche zu gelten/".

"Во всей последовательности религиозной истории рядом с событием смещения языков можно поставить только одно, мгновенное восстановление единства языка /ομογλωσσία/ в

Пятидесятницу, когда христианство, да и все человечество начинает свой великий путь к воссоединению, благодаря познанию единого истинного Бога. /Поэтому в лекциях о философии откровения я назвал происшедшее на Пятидесятницу "Вавилоном наоборот", -- выражение, которое я позднее нашел у других. Намек Гезения в статье "Вавилон" энциклопедии Халле мне самому был в то время еще неизвестен. Впрочем, для Отцов Церкви это противопоставление не было необычным, так что его вполне можно считать естественным"./

18. Неделя Пентикостии, стихиры на стиховне, на "Слава и ныне" /глас 8: Триодь цветная. М., Издание Московской Патриархии, 1975, лист 262./
19. тоже, кондак Недели Пентикостии /см.: Триодь цветная. М., Издание Московской Патриархии, 1975, лист 243 об.: Кондак Недели Пятидесятницы./
20. /Сноска не сохранилась. В архиве семьи Флоренских сохранилась книга из библиотеки П.А. Флоренского: Священник Михаил Фивейский. Духовные дарования в первоначальной христианской церкви. Опыт объяснения 12--14 глав первого послания св. апостола Павла к Коринфянам. М., Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1907, см. гл. VIII. Глоссологические теории, с. 108--121./
21. /Сноска не сохранилась. См. сноску 20-/
22. /Сноска не сохранилась ни в тексте, ни в примечаниях./
23. Вильям Оувелль, -- История индуктивных наук. Пер. с 3-го англ. издания М.А. Антоновича. СПб., 1869, т. 3, с. 402.
24. id., с. 402 /"Реформа описательной части ботаники была одним из первых дел, за которое взялся Линней; и его терминология была орудием, посредством которого он сделал другие улучшения"./

25. id., с. 403.
26. /Сноска не сохранилась. Возможно, она взята П.А. Флоренским из книги, упоминаемой в подготовительных материалах: William Whewell, -- Novum Organon Renovatum, The Third Edition, London, 1858./
27. id., pp. /35/?// Возможно, П.А. Флоренский имел ввиду следующие слова Уэвелля: "Для нас очень важно отметить, что эти споры никогда не представляли собою вопросов об отдельных и произвольных определениях, как это, по-видимому, часто думали. Во всех эти случаях безмолвно признавалось некоторое предложение, которое должно было быть выражено при помощи определения и которое придавало этому последнему его значение." /цитируется по кн.: Д.С. Милль, -- Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. под ред. В.Н. Ивановского. М., Издание магазина "Книжное дело", 1900, с. 542./
28. Уэвелль. Novum Organon Renovatum, p. 35 /?//
Милль. Логика, с. 541. /Цитата взята из кн.: William Whewell, -- Novum Organon Renovatum, The Third Edition, London, 1858.
Цитируется П.А. Флоренским по кн.: Д.С. Милль, -- Система логики силлогистической и индуктивной... М., 1900, с. 541./
29. id., pp. 35--37. /Цитируется П.А. Флоренским по кн.: Д.С. Милль, -- Система логики силлогистической и индуктивной... М., 1900, с. 541--543./
30. Д.С. Милль, -- Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. под ред. В.Н. Ивановского. М., 1900, изд. магазина "Книжное дело", с. 534--587. Книга IV., гл. III--VIII

31. А. Пуанкаре, -- Наука и метод, /авторизованный перевод Бориса Корень под ред. проф. Н.А. Гезехуса, СПб., 1910/, с. 14.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке. Пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина, М., "Наука", 1983, с. 293; Пуанкаре -- так у П.А. Флоренского./
32. А. Пуанкаре, -- Наука и гипотеза, Р., пер. 1903, с. 101.
/А. Пуанкаре, - Гипотеза и наука - М., Тип. Г. Лисснера и А. Гетеля, 1903; см. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 97./
33. А. Пуанкаре, -- Ценность науки, /пер. с фр. под ред. А. Бачинского и Н. Соловьева. М., Кн-во "Творческая мысль", 1906./ с. 188--189 и 8--9.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 278--279 и 157--158./
34. А. Пуанкаре, -- Наука и метод /... СПб., 1910/ с. 23.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 300/.
35. А. Пуанкаре, -- Наука и метод /... СПб., 1910/ с. 24.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 301./
36. А. Пуанкаре, -- Наука и метод /... СПб., 1910/ с. 23--24.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 300./
37. А. Пуанкаре, -- Ценность науки /... М., 1906,/ с. 163.
/См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 261/
38. /AL./ Walde, -- /- Lateinisches etymologische Wörterbuch, 2-e umgearbeitete Auflage. Heidelberg, 1900. /Indogermanische Bibliothek, I, II, 1/,/ SS. 774--775.
39. /E./ Boisacq /, - Dictionnaire étymologique de la Langue grecque, Heidelberg--Paris, 1909./
40. Историческое выяснение слова Terminus и других родственных сделано главным образом по: Fustel de Coulanges, La cite antique, 20me Edition, Paris, 1908, Livre II, chap. VI и др., pp. 62--75. Отсюда же взяты дальнейшие цитаты.

Русский перевод: Фюстель де - Куланж, -- Гражданская община древнего мира. Пер. с фр. А.М. Под ред. проф. Д.Н. Кудрявского. СПб., 1906, с. 59..72.

Затем: Preller, /Ludwig. Какую из многочисленных книг и статей Preller'а имел ввиду П.А. Флоренский неясно. Возможно это: Römische Mithologie, 2 Bd., 1854./

41. Tibul I.I. 23.

/См. кн.: Катулл. Тибулл. Проперций. -- ГИХЛ, М., 1963, с. 160:

"Лары, и вам, сторожам усадьбы когда-то богатой,
Но захудалой теперь, я приготовил дары"./

42. Cicero, -- De legib/us/, II, 11.

/Цицерон. О законах, II, 11, 27. -- В кн.: Цицерон. Диалоги. М., Наука, 1966, с. 118--199: "Такое же значение имеют и священные роши в сельских местностях, и нельзя отвергать почитания ларов, завещанного предками как владельцами земли, так и домохозяевам, и обрядов, совершающихся на глазах у жителей имения и усадьбы"./

43. Cicero, -- De legib/us/, I, 21.

/Цицерон. О законах, I, 21, 55--56. -- Там же, с. 106--107: "...Из этого разногласия... и возник спор о границах; в этом споре /коль скоро законы Двенадцати таблиц не признали давности пользования в пределах пяти футов/ мы не позволим этому хитроумному человеку пастись на старом владении Академии... Мы сочтем нужным разыскать пограничные камни, установленные Сократом, и считаться с ними"

Примечание к данному тексту: "Полоса земли шириною в 5 футов, проходившая между смежными владениями, не подлежала отчуждению"./

44. Cato, -- Le re rust/ica/, 141.

/Cato Marcus Porcius. De agricultura liber post Henricum Keil iterum ed. Georgius Goetz. Lipsiae, 1922, /второе из-

дание/, зз. 58 /§ 141/: Agrum lustrare sic oportet. impera suovitaurilia circumagi: 'cum divis volentibus quodque bene eveniat, mando tibi, Mani, uti illace suovitaurilia fundum agrum terramque meam quota ex parte sive circumagi sive circumferenda censeas, uti cures lustrare'...

"Освятить поле следует так: Повели обойти его с жертвоприношением свиньи, овцы, быка: 'Препоручаю тебе, божество подземного мира, при благоволении небесных богов...'

/далее следует описание жертвоприношения/./

Scriptores rei agrar /iae/, ed. Goetz, p. 308.

Dionis. Halicarn. II, 74.

/Dionysius Halicarnassensis. Antiquitatum romanorum...

rec. A. Kiessling, Vol. 1--2. Liepzig: Teubneri, 1840--1864/.

Ovid. Fast. II, 639 /ff/.

/Ovidius Naso P. Fasti, II, 649--684. -- In: P. Ovidi Nasonis Fastorum libri sex. Leipzig: Teubner, 1889, S. 112:

"Nox ubi transierit, solito celebretur honore
separat indicio qui deus arva suo.

Termine, sive lapis, sive es defossus in agro
stipes, ab antiquis tu quoque numen habes".

Описание древнеримского праздника Сатурналий, отмечавшегося 23 февраля. "Когда пройдет ночь, празднуется с обычными почестями бог, который своим указанием разделяет возделываемые поля. О Термин, будь ты камень или столб посреди поля, и ты тоже имеешь от древних божественные почести."/

Strabo, V, 3.

/Strabonis Geographica. Recensuit commentario critico instruxit Gustavus Kramer. Vol. I. Berolini, 1850/.

45. Siculus Flaccus, -- De conditione agrarum. Rd. Lachmann pp. 141; ed. Goetz, p. 5.

/Siculi Flacci de condicionibus agrorum. -- In: Gromatici veteres. Ex recensione Caroli Lachmanni. Berolini, 1848, p. 141--142: Carbo autem aut cinis quare inveniatur una certa ratio est: quae apud antiquos est quidem observata, postea vero neglecta; unde aut diversa aut nulla signa inveniuntur. cum enim terminos disponerent, ipsos quidem lapides in solidam terram rectos conlocabant proxime ea loca in quibus fossis factis difixuri eos erant, et unquento velaminibusque et coronis eos coronabant. in fossis autem /in/ quibus eos posituri erant, sacrificio facto hostiaque immolata adque incensa facibus ardentibus, in fossa cooperti sanguinem instillabant, eoque tura et fruges iactabant. favos quoque et vinum, aliaque quibus consuetudo est Terminum sacrum fieri, in fossis adiciebant. consumptisque igne omnibus dapibus super calentes reliquias lapides conlocabant atque ita diligenti cura confirmabant. adiectis atque quibusdam saxorum fragminibus circum calcabant, quo firmitus starent... si vero pali lignei pro terminis dispositi sunt... aliunde quod loco termini observari videbitur, ex consuetudine regionis et ex vicinis exempla sumenda sunt.

"Почему /под межевыми столбами/ обнаруживаются уголь или пепел, тому есть определенное основание: обычай, соблюдавшийся древними, но позднее вышедший из употребления; оттого обнаруживаются либо различные знаки, либо никакие. Когда древние устанавливали межевые знаки /terminos/, они прежде всего вертикально водружали на твердой земле самые камни вблизи тех мест, где, выкопав ямы, собирались их ставить, и умащали эти камни благовониями, украшали покрывалами и увенчивали венками. Совершив жертвоприношение, они бросали в ямы части закланных жертвенных животных, за-

жегши их пылающими факелами, затем окропляли их кровью; туда же бросали фимиам и жертвенные плоды, а также медовые соты, вино и прочее, что обычно посвящается /богу/ Термину. Когда огонь поглощал всю жертвенную трапезу, они располагали на ее тлеющих остатках камни, старательно укрепляя их. Чтобы камни стояли прочнее, их обкладывали со всех сторон булыжниками. Если в качестве межевых знаков поставлены деревянные столбы... употреблявшиеся вместо /каменных/ знаков... то примером служит обычай данной местности или соседей..."

Издания Г. Гетца, на которое ссылается автор и в котором также имеется вышеприведенный текст Сиккула Флакка, в центральных библиотеках Москвы не оказалось./

46. Законы Ману, VIII, 245. Vrihaspati, по цитате Jicé, -- Le'gislat hindons, p. 189.

/См.: Законы Ману. Пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М., Изд. восточной литературы, 1960, с. 168--169: "Если возник спор двух деревень о границе..., определять границу следует в месяце Джьяйштва, когда пограничные знаки отчетливо видны."/

47. Varron, L.I. V, 74.

/Marci Terenti Varronis de lingua latina quae supersunt. Recensuerunt Georgius Goetz et Fridericus Schoell. Lipsiae in aedibus Teubneri, 1910, LIV, p. 340.

"Et a r a e Sabinum linguam olent...nam, ut annales dicunt, novit... Termino"

"И слово арае /жертвенник/ тоже имеет привкус языка сабинян... ибо, как говорят анналы, он /древний царь сабинян Татий/ построил их... для /бога/ Термина."/

48. Pollix IX, 9.

/Pollicus onomasticon. E codicibus ab ipso collatis denuo edidit et adnotavit Ericus Bethe. Fasciculus posterior,

lib. VI--X continens. Lipsiae in aedibus Teubneri, 1931, p. 149.

Lib. IX, 8: καὶ ἀπὸ μὲν τῶν ὀρῶν Ζεὺς ὀρίος καὶ στηλὴ ἐφορᾷ.

"А от /выражения/ 'граница' /идут словосочетания/ 'Зевс, охраняющий границу' и 'пограничный столб'". /

Hesichios ὀριος

/Hesychii Alexandrini Lexicon. Ed. minorem curavit Mauricius Schmidt. Editio altera. Indice glossarum ethicarum aucta. Jenae, sumptibus Hermannii Dufftii, 1867, col. 1145: ὀριος. νομος, θεσμος. ἢ στηλὴ, ἢ καταπέτεγος ἐπὶ χώρῳ ἢ οἰκίᾳ

"Граница: закон, установление. Или столб, укрепленный у земельного владения или жилища". /

Plato , -- Законы VIII з. 842 е.

/Платон, Законы, VIII 842 е. -- 843 а. -- В кн.: Платон. Сочинения в трех томах, т. 3, ч. 2. М., "Мысль", 1972, с. 327: "Первый закон, закон Зевса -- охранителя рубежей, будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближайшего соседа, будь то гражданин или чужеземец, если чей-то участок лежит на окраине, так что граничит с его землей. Пусть каждый считает, что это поистине будет нарушением того, что нельзя нарушать. Пусть каждый скорее попытается сдвинуть огромную скалу, чем межевой столб или даже маленький камень, заклтый перед лицом богов и размежевывающий вражду и дружбу".

49. Euripid, Electra, 96.

/Euripidis tragoediae. Ex recensione Augusti Navckii. Editio Tertia. Volumen I. Lipsiae, sumptibus et typis Teubneri, 1881, p. 244:

πρὸς τέρμονας ὑπὸς τῆςδ', ἐν' ἐμβαλῶ ποδὶ ἀλλήνῃ ἐπ' αἶαν

" /Я пришел всего лишь/ к границам /термонов, множ.
винит. от терμων / этой земли, чтобы отступить в другую
землю /если меня кто-нибудь выследит/".

В пер. И. Анненского и С. Шервинского:

"Но в город не войду я; две причины
На это есть; во-первых, если нас
Шпион какой узнает, можно скрыться
В соседний край..."

Еврийпид. Трагедия, т. 2. Пер. с др.-греч. И. Анненского
и С. Шервинского. М., Худ. лит-ра, 1969, с. 10/.

/Плутарх/ Numa 16.

/Πλουτάρχου Νόμας 16. -- In: Plutarchi vitae parallelae.
Recognoverunt CI. Lindskog et K. Ziegler. Vol. III, fasc.
2. Leipzig: Teubner, 1973, p. 75, l. 19--26.

Πρωτον δε φασι και Πιστεως και Τερμονος ιερων ιδρυσασθαι...
... ο δε Τερμων ορος αν τις ειη, και θυουσιν αυτω δημοσια
και ιδια κατα τους των αγρων περιορισμους, νυν μεν επιφυχα
το παλαιον δ' αναλαμβανουσιν ην η θυσια Νομα φιλοσοφησαντος,
ως χρη τον οριον θεον, ειρηνης φυλακα και δικαιοσυνης
μαρτυν οντα, φονου καθαρων ειναι.

"И прежде всего говорят, он /царь Нума Помпилий/ соорудил святилище Веры и /бога/ Границы /Τερμονος/... /Бог/ Границы есть как бы предел, и ему приносят общественные и личные жертвы на межах полей, причем ныне приносятся в жертву живые существа, а в древности жертвоприношения были бескровны, поскольку Нума рассудил, что бога, охраняющего границу /τον οριον θεον / стража мира и свидетеля справедливости, не следует пятнать убийством"./

/Плутарх/ Quaest Rom. 15.

/Πλουτάρχου ΑΙτια Ρωμαικη , -- In: Plutarchi moralia. Vol. II. Recensuerunt und emendaverunt W. Nachstadt -- W. Sie-

feking -- J.B. Titchener. Leipzig: Teubner, 1971, p. 282:
Δια τι τον Τερμινον, ω τα Τερμιναλια ποιοуσι, θεον νομι
ξουντες ουδεν εδουον αυτω ξων; η... Νομας ... Πομπηλιος
... τον Τερμινον ως επισκοπον και φυλακα φιλιας και ειρηνης
ωστο δειν αιματος και φονου καθарον και αμικαντον δια
φυλαττειν;

"Почему, именуюя богом Термина, которому посвящено
праздненство Терминалий, /римляне/ не приносили ему в жерт-
ву никаких живых существ? Не потому ли, что... Нума Помпи-
лий... счел, что Термин как надзиратель и страж дружбы и
мира должен быть сохранен чистым и незагрязненным кровью и
убийством?"

Имеющееся у автора указание также и на § 35 "Римских
причин" Плутарха, по-видимому, ошибочно, так как в данном
сочинении имеется лишь одно /приведенное выше/ упоминание
о древнеримском боге Термине./

Дионисий /Галикарнасский/ -- см. выше прим. 44.

50. Ovid. Fast. II, 677.

/Ovidius Naso. Fasti, II 673 = 678. -- In: P. Ovidi Naso-
nis Fastorum libri sex. Leipzig: Teubner, 1889, S. 114:

"Termine, post illud levitas tibi libera non est:

quā positus fueris in statione, mane
nec tu vicino quicquam concede roganti,
ne videare hominem praeposuisse Iovi,
et, seu vomeribus seu tu pulsabere rastris,
clamato 'Tuus est hic ager, ille suus!'"

"О Термин, коль скоро все это так, легкость тебе непоз-
волительна: в каком месте ты будешь поставлен, там
пребывай, и не уступай просьбам ни одного из соседей и
не дай повода считать, будто ты поставил человека выше
Юпитера; а если кто толкнет тебя лемехом или мотыгой,
кричи: 'Твое поле -- вот это, а то -- его!'" /.

51. Festus, v^o Terminus, ed. Müller, p. 368.

/Sexti Pompei Festi De verborum significatione quae supersunt cum Pauli Epitome. Emendata et annotata a Carolo Odo-fredo Muellero. Lipsiae, in Libraria Weidmanniana, 1839, p. 368:

"Termino sacra faciebant, quod in eius tutela fines agrorum esse putabant. Denique Numa Pompilius statuit, eum, qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse. Terminus quo loco colebatur, super eum foramen patebat in tecto, quod nefas esse putarent, Terminus intra tectum consistere".

"/Древние/ устраивали жертвоприношения Термину, ибо полагали, что пределы полей находятся под его охраной. Наконец, Нума Помпилий постановил, что если кто выроет межевой знак, распахнет межу, на него самого и на быков падает проклятие. Над тем местом, в котором чтили Термина, в крыше делалось отверстие, ибо они считали неблагочестивым держать Термина под крышей". /

52. Script. rei agrar, ed. Goez, p. 258; ed. Lachmann, p. 351 /Первого из двух изданий /Г. Гетца/, на которые ссылается автор при цитировании данного текста, в центральных библиотеках Москвы не оказалось. Приведем текст по второму из указанных автором изданий /К. Лахмана/:

Ex libris Vegoiae Arrunti veltympno. -- In: Gromatici veteres. Ex recensione Caroli Lachmanni. Berolini, 1848, p. 141:

"Iuppiter... constituit iussitque metiri campos signarique agros. sciens hominum avaritiam vel terrenum cupidinem, terminis omnia scita esse voluit... sed qui contigerit moveritque, possessionem promovendo suam, alterius minuendo, ob hoc scelus damnabitur a diis. si servi faciant, dominio mutabuntur in deterius. sed si conscien-

tia dominica fiet, caelerius domus extirpabitur, queusque eius omnis interiet. motores autem pessimis morbis et uulneribus efficientur membrisque suis debilitabuntur. tum etiam terra a tempestatibus vel turbinibus plerumque labe movebitur. fructus saepe ledentur decutienturque imbribus atque grandine, caniculis interient, robigine occidentur. multae dissensiones in populo. fieri haec scitote, cum talia schelera committuntur".

"Юпитер... постановил и повелел измерить поля и обозначить земельные наделы. Зная человеческую жадность и земную похоть, он пожелал, чтобы все было известно по межевым знакам /terminis/... Но если кому случится передвинуть их, чтобы расширить свое владение и уменьшить чужое, то за это преступление он будет проклят богами. Если это сделают рабы, их подневольное положение изменится к худшему. Но если это будет совершено с ведома господина, то очень скоро его род искоренится, так что каждый в нем погибнет. А зачинщики будут поражены наихудшими болезнями и ранами и их тело будет расслаблено. Кроме того, их земля будет часто страдать от гроз, вихрей и обвалов. Плоды земли будут побиваться дождем и градом и осыпаться, иссохнут от жары, погибнут от ржи. Среди народа будет много раздора. Знайте, что все это произойдет, если будут совершены подобные преступления"./

53. Plato, -- Законы VIII, з. 842 /e-843a/
/см. прим. 48/.

54. Иоанн Дамаскин, -- Философские главы, VIII. /Migne, -- Patrol. ser. gr., Т. 94, col. 553, Рус. перев.: Полное собрание творений Св. Иоанна Дамаскина, Т. 1, СПб., 1913, с. 62/.

55. id. Migne, col. 557;
56. Simon /Max/, -- Euclid und die sechs planimetrischen Bücher, Lpz., 1901 /S. 25/ Энриквес /Ф/, -- Вопросы элементарной геометрии, 1913, с. 46, 47. /Вопросы элементарной геометрии. Сборник статей под ред. Ф. Энриквеса. Пер. И.В. Ящунский. СПб., Кн-во "Физика", 1913/.
57. Lambert, -- Briefe an Holland, Deutsch. Gelehrt. Briefwechsel, I, T. IV.
Цитата по У. Амальди, -- О понятиях прямой и плоскости. I, 3. в сборнике Ф. Энриквеса, -- Вопросы элементарной геометрии, пер. /И.В./ Ящунского, СПб., 1913, с. 48 /99/.
58. Zeuten /H.G./, -- Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter. Kopenhagen, 1896, S. 115.
Цитата оттуда же, см. прим. 5 /на с. 99/.
59. Simon /Max/, -- Euclid und die sechs planimetrischen Bücher, Lpz., 1901, S. 25.
60. У. Амальди, -- О понятиях прямой и плоскости. I, 3, в сборнике Ф. Энриквеса. Вопросы элементарной геометрии, пер. Ящунского, СПб., 1913, с. 48.
61. Du Cange, -- Slossarium ad Scriptores Mediae et infimae Latinitatis, Editio nova, T. VI, Parisilis, 1736, coll. 1069.
62. Аристотель, -- Anal. I₁ 24b 16.
/См.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., "Мысль", 1978, с. 120: "Термином я называю то, на что распадается посылка, т.е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением глагола "быть" или "не быть"..."/
63. R. Gocklenius /Göckel/, -- Lexic/on/ philos/ophicum, 1613/, p. 1125.

64. G. Gutherlet, -- Log/ik/ u/nd/ Erk/entnis/, 2te Ausg., S. 17.
65. A. Höfler, -- Grundlag/e/ d/er/ Logik, 2te Ausg., S. 14.
/Проф. Алоиз Гефлер. Основные учения логики. Пер. с четвертого нем. изд. И. Давыдова и С. Салитан. С пред. И.И.Лапшина. -- СПб., Издание "Научно-философской библиотеки", 1910, с. 15: "С л о в а, значение которых суть понятия в указанном выше строго л о г и ч е с к о м смысле, называются научными техническими выражениями /termini .../"./
66. Bergson, -- Evolution créatrice.
Анри Бергсон, -- Творческая эволюция. /Авторизованный пер. с фр. В.А. Флеровой. М.-СПб., Кн-во "Русская мысль", 1914/ с. 129.
67. Bergson, -- id. Бергсон, -- id., с. 129.
68. Bergson, -- id. Бергсон, -- id., с. 130.
69. Bergson, -- id. Бергсон, -- id. с. 130.

Приложение

П.А. Флоренский

Специальный курс с коллоквиумом для студентов 3-го курса Московской Духовной Академии. Из истории философской терминологии.

I. Термин /начало раздела/

1917.IX.14. Серг/ив/ Пос/ад/.
Читано /собств/енно/ рассказа-
но/ 1917.IX.15 в пятницу сту-
д/ентам/ 3-го курса.

I. Научная речь -- выкованное из повседневного языка орудие, при помощи которого овладеваем мы предметом познания. Суть науки -- в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин -- это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука -- система терминов. Поэтому, жизнь терминов -- и есть история науки, все равно какой, естествознания ли, юриспруденции или математики. Изучить историю науки это значит изучить историю терминологии, т.е. историю овладения умом подлежащего ему предмета знания. Не ищите в науке ничего кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки, как таковой сводится именно к терминам в их связях, которые /связи/ первично даются определениями терминов. Мы с вами займемся некоторыми вопросами из истории философской терминологии. Это заглавие нашего курса даст нам возможность свободно беседовать о самых различных вопросах философии и, по желанию, отклоняться в сторону.

Вас может быть смущает постановка вопроса: неужели история всякой науки сводится к истории слов? Неужели все споры науки суть "споры о словах"? Да, да и да. Но только под спором о словах надо разумеать именно то, о чем мы говорим, именно вопрос точной и удачной терминологии, а не спор о терминах равноудачных или равнонеудачных, каковой спор именно и называется спором о словах.